

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ DIGITALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION: LEGAL FOUNDATIONS OF ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT

Илья Викторович ЗАХАРОВ

Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия,
e-mail: izakharov@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0657-2264, AuthorID: 907287

Анастасия Игоревна РЕЖЕЦКАЯ

Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия,
e-mail: rezhetskaya@yandex.ru,
ORCID: 0009-0004-1371-3816, AuthorID: 1121059

Информация об авторах

И.В. Захаров — доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент

А.И. Режецкая — магистрант 2-го курса Института государственного и международного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева

Аннотация. За последнее десятилетие цифровизация, распространяясь с молниеносной скоростью, охватывает весь мир, в том числе и Российскую Федерацию, и трансформирует различные аспекты человеческой жизнедеятельности. Серьезному влиянию подвергается один из основных секторов общества — государственный — посредством интеграции цифровых инструментов, технологий, процессов и решений в операции и услуги, предоставляемые населению. Изменение способов взаимодействия в системе «государство — общество» направлено на повышение эффективности публичного управления, вовлечение населения в принятие государственных решений, достижение консенсуса по актуальным социальным вопросам. Парадокс заключается в том, что цифровизация государ-

- ственного управления порождает многочисленные
- юридические проблемы и последствия, которые нуждаются в изучении со стороны как ученых, так и законодателей.
- Цель статьи — выявить особенности правовой базы
- РФ, регулирующей применение цифровых технологий в государственном управлении: электронное управление, цифровые общественные услуги, защита данных. Авторы рассмотрели реализацию и влияние цифровизации на сферу публичной политики. Предложена классификация нормативных правовых актов по категориям регулирования отдельных сфер цифровизации и информатизации. Проанализированы фундаментальные законодательные документы РФ с выявлением их слабых сторон. Сделаны выводы о том, что стремительное внедрение правительственными структурами в свой арсенал цифровых технологий не гарантирует эффективности и безопасности управления. Наличие четких правовых рамок по защите конфиденциальности, безопасности данных и прав граждан необходимо для упрощенной ориентации специалистов всех сфер
- в «ландшафте» цифрового общественного управления.

Ключевые слова: цифровизация, публичное управление, цифровые технологии, право, информатизация

Для цитирования: Захаров И.В., Режецкая А.И. Цифровизация публичного управления: правовые основы становления и развития // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 53, № 2. С. 27–38; DOI: 10.17323/tis.2025.27357

Ilya V. ZAKHAROV

- Ural State Law University by V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia,
e-mail: izakharov@yandex.ru,
• ORCID: 0000-0003-0657-2264, AuthorID: 907287

Anastasiia I. REZHETSKAIA

Ural State Law University by V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia,
e-mail: rezhetskaya@yandex.ru,
ORCID: 0009-0004-1371-3816, AuthorID: 1121059

For citation: Zakharov I.V., Rezhetskaia A.I. Digitalization of public administration: legal foundations of establishment and development // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 53 (2). P. 27–38; DOI: 10.17323/tis.2025.27357

Information about the authors

I.V. Zakharov — Associate Professor of the Department of Constitutional Law of the V.F. Yakovlev Ural State Law University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

A.I. Rezhetskaia — 2nd year Master's student of the Institute of State and International Law V.F. Yakovlev Ural State Law University

Abstract. Over the last decade, digitalization, spreading at lightning speed, has encompassed both the world in general and the Russian Federation in particular, and is transforming various aspects of human life. One of the main sectors of society, the public sector, is being seriously affected by the integration of digital tools, technologies, processes and solutions into the operations and services provided to the population. Changing the ways of interaction in the “state-society” system is aimed at improving the efficiency of public administration, involving the population in public decision-making, and reaching opinions on topical social issues. The paradox is that the digitalization of public administration generates numerous legal problems and consequences that need to be studied by both academics and the legislator himself.

The purpose of the article is to identify the peculiarities of the legal framework of the Russian Federation regulating the application of digital technologies in aspects of public administration: e-governance, digital public services, data protection. The article considers the process of implementation and influence of digitalization on the sphere of public policy. The classification of regulatory legal acts by categories of regulation of individual spheres of digitalization and informatization is proposed. The fundamental legislative documents of the Russian Federation are analyzed to identify their weaknesses. The article concludes that the rapid introduction of digital technologies by government structures in their arsenal does not guarantee the efficiency and security of governance. The existence of a clear legal framework for the protection of privacy, data security and citizens' rights is necessary for a simplified orientation of specialists in all spheres in the “landscape” of digital public administration

Keywords: digitalization, public administration, digital technologies, law, informatisation

ВВЕДЕНИЕ

Научно-технический прогресс, совершенствование техники и развитие информационных технологий становятся закономерным следствием повышения важности виртуальной среды, упрощающей осуществление различных действий и расширяющей возможности ведения информационной деятельности. Цифровизация полностью не может исчерпать или заменить собой традиционные практики жизнедеятельности. Тем не менее цифровой информации как фундаменту виртуальной реальности, которая приобретает принципиально новую значимость для жизни каждого гражданина в информационном обществе, отдается приоритет в развитии правового регулирования.

Являясь косвенным объектом гражданских прав через призму существующих категорий, согласно ст. 128 Гражданского кодекса РФ, цифровая информация позволяет беспрепятственно учитывать материальные блага, закреплять на них права, идентифицировать стороны отношений, подтверждать принадлежность благ, фиксировать волеизъявление [1]. Ныне без автоматизированных технологий невозможно представить ни одну из сфер общества, в том числе публичное управление. Данный феномен обусловлен тем, что цифровые технологии создают новый тип общественных отношений, основанных на гармонии и систематизации в деятельности органов публичной власти. Процесс внедрения технологических решений необратим, поэтому возникает необходимость в выработке эффективных предложений для юридического регулирования цифровой среды и поступательного развития информационного законодательства.

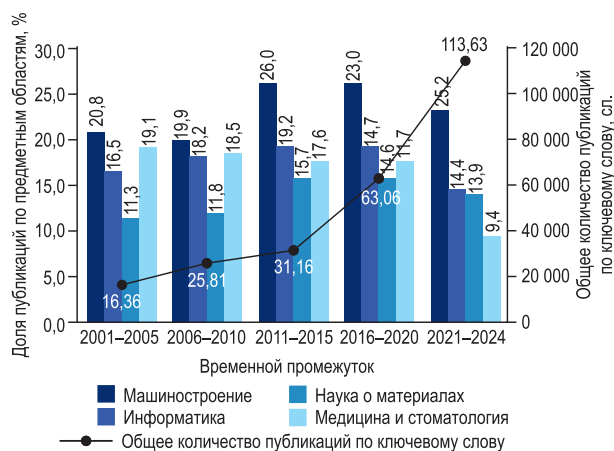
Цель настоящей статьи — выявить и проанализировать особенности правовой базы РФ, регулирующей процесс применения цифровых технологий в системе публичного управления. Для реализации цели выдвигались следующие задачи: 1) рассмотреть исторический путь развития системы цифрового публичного управления; 2) предложить классификацию нормативных правовых актов (далее — НПА) по категориям регулирования сфер цифровизации и информатизации; 3) обозначить противоречия, порождаемые принятием правовых документов и отсут-

ствием действенных решений по кодификации НПА в области цифровизации.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ

Термин «цифровая трансформация» не нов для научной сферы, однако до конца не изучен. В рамках исследовательской работы проведен наукометрический анализ публикаций по ключевому слову «digital transformation» в полнотекстовой базе данных ScienceDirect за период с 2001 по 2024 г. (рис. 1) [2].

Рис. 1. Результаты анализа публикаций по ключевому слову «цифровая трансформация» за период 2001–2024 гг.

С 2001 г. в базе данных ScienceDirect представлено 304,8 тыс. публикаций, в которых упоминается термин «digital transformation». Примечательно, что цифровая революция началась в конце 1970-х годов, но до 2016-го цифровая трансформация не была предметом пристального исследования ученых. Пик активности изучения феномена пришелся преимущественно на конец 2019-го и на 2021–2024 гг. В эти периоды повышенный интерес к сфере цифровизации и цифровой трансформации сфер общественной жизнедеятельности был связан с социально значимыми событиями, происходящими в мировом пространстве. Например, 2019 г. — напряженная эпидемио-

логическая ситуация (пандемия COVID-19): резкий рост спроса на цифровые технологии, решения и системы для безопасного дистанционного взаимодействия не только граждан между собой, но и населения с представителями органов власти. В 2021–2024 гг. — санкционное давление со стороны западных стран, импортозамещение, модернизация отечественного интерактивного обслуживания.

Основная масса работ опубликована в журналах *Procedia Computer Sciencer* (2893 публикации, рубрикатор ГРНТИ 50.00.00), *Science of The Total Environment* (2388 публикаций, рубрикатор ГРНТИ 87.01.00), *Journal of Cleaner Production* (2200 публикации, рубрикаторы ГРНТИ 44.00.00 и 55.00.00), специализирующихся на энергетике, машиностроении и вопросах охраны окружающей среды. На журналы социологической и юридической тематики приходится менее 1% публикаций.

Таким образом, с 2016 г. цифровая трансформация активно исследуется учеными — экономистами, программистами, экологами — и приобретает все большую актуальность. Тем не менее отсутствует единое определение, что доказывает многогранность и дискуссионность термина.

В ходе проведенного анализа авторы пришли к выводу, что под цифровой трансформацией в широком смысле понимается процесс, направленный на совершенствование организации/государства/отдельных сфер с помощью внедрения существенных изменений их свойств посредством совокупности информационных, вычислительных, коммуникативных цифровых технологий [3]. В узком смысле цифровая трансформация означает интеграцию сложных знаний, информационных, вычислительных, коммуникационных технологий в целях всестороннего улучшения и ускоренного процесса модернизации работы органов власти, системы публичной политики, государства [4].

По мнению авторов, приведенные формулировки определяют вектор изучения, однако громоздки и затруднительны для восприятия. Важно понимать, что цифровая трансформация — не синоним «электронного правительства» (e-government), она не ограничена внедрением инновационных технологий, а включает в себя широкий спектр изменений в организационно-структурных аспектах государственного управления, операциях, механизмах системы публичного управления [5].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Цифровизация публичного управления представляет собой деятельность федеральных, региональных,

иных органов власти, а также органов местного самоуправления, образующих систему публичной власти, по управлению конкретными областями общественных отношений и отраслями экономики с применением цифровых и информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ).

Рассматривать трансформацию системы государственного и муниципального управления следует с применением системного подхода, существенно повышающего качество планирования и достижение поставленных правительством целей развития. Основываясь на системном подходе, публичное управление в цифровых условиях соответствует следующим направлениям:

- формирование в РФ цифрового пространства как совокупности цифровых инфраструктур, основанных на правовых нормах, механизмах организации, управления и использования. Создание единого виртуального пространства соответствует Указу Президента РФ от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» и обусловлено потребностью ревалоризации концептуального управления в стране, рационализации контроля информационных потоков для успешного использования сведений в государственных информационных системах (далее — ГИС) и информационных системах организаций с госучастием;

- предоставление населению государственных и муниципальных услуг в онлайн-форме с использованием информационно-коммуникационных технологий. Согласно Единому плану достижения национальных целей развития РФ на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г., в рамках Указа Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» на 01.01.2024 95% социально значимых услуг должны были быть переведены в цифровой формат. По словам замглавы Минцифры РФ О.Ю. Качанова, за 2022–2023 гг. 132 услуги уже оцифрованы [6]. При этом глава Минцифры РФ М.И. Шадаев 15.02.2023 представил Президенту РФ В.В. Путину скорректированные данные. По результатам первого этапа перевода государственных услуг в цифровой формат 204 услуги предоставляются в электронной форме (111 услуг оказывают федеральные ведомства, 93 — региональные ведомства и органы местного самоуправления) [7]. Преобразования связаны с внедрением единой цифровой платформы РФ «ГосТех», объединившей 60 тыс. представителей публичной власти и 7 тыс. властных структур, повысившей их уровень цифровизации;

- возникновение виртуальных структур существующих в реальности физических объектов (RT3D-,

XR- и AR-технологии). В научных кругах данное явление называется «цифровые двойники» (digital twin) и относится к различным сферам, в том числе к деятельности органов власти и их служащих. Концепция технологии появилась во второй половине XX в., практическое применение происходило позже ввиду неразвитости информационных технологий: с 2011 г. — в США, в начале 2022 г. — в РФ, после вступления в силу ГОСТ Р 57700.37-2021 «Компьютерные модели и моделирование. Цифровые двойники изделий. Общие положения». Согласно положениям Центра стратегических разработок, гражданин, идентифицируясь на госплатформе посредством «цифрового двойника», будет взаимодействовать с цифровой экосистемой и получать цифровые сервисы в соответствии со своими потребностями [8]. Иными словами, диалог «общество — государство» в цифровой плоскости будет выглядеть как «цифровой двойник гражданина — цифровой двойник органа власти/государственного служащего»;

- переход в цифровое пространство не только всей системы публичного управления, но и отдельных субъектов: коммерческих и некоммерческих организаций. Частному сектору отводится значимое место в разработке ИКТ для цифрового государства, однако за создание транспарентной политики и нормативной базы, обеспечивающей надлежащие условия развития, отвечают правительственные структуры;

- привлечение граждан РФ к решению вопросов общественной жизни в интернет-пространстве (цифровое участие) как новый принцип партисипативности или соучастия, включающий в себя фактор цифрового активизма, который, в свою очередь, направлен на проявление гражданской идентичности. Взаимодействие населения с органами публичной власти в интернете осуществляется в различных формах (категориях цифрового активизма). Классифицируя проявления цифрового активизма, Л.В. Милбрет (*L.W. Milbrath*) выделяет три категории: 1) зрительские действия (кликтивизм, метаголосование, утверждение); 2) транзитные действия (ботивизм, электронное финансирование, защита прав потребителей и цифровые петиции); 3) гладиаторские действия (активизм данных, хактивизм) [9].

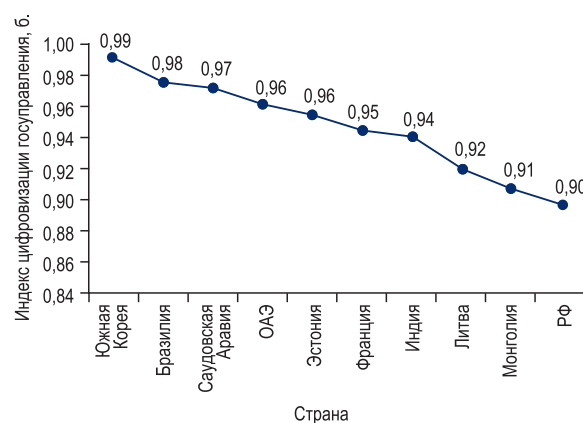
Согласимся с мнением А.Ю. Демидова и А.И. Лукашова о том, что цифровизация публичного управления заключается в создании общего национального цифрового пространства с одновременным подключением субъектов хозяйственной деятельности, где реализация властных полномочий, предоставление населению услуг и взаимодействие осуществляются цифровыми двойниками органов власти и служащих [10]. Около 30 лет назад данное положение вызвало бы скепсис

в обществе, но в условиях автоматизированных процессов современное общество близко к такому переходу.

Значение цифровизации для эффективности государственного управления определяется по существующим внутрироссийским методикам. В научных трудах предлагаются классификации, в частности: 1) по субъекту проведения (органы государственной власти; общественные объединения); 2) по объекту (оценка цифровизации субъектов РФ или отдельных отраслей экономики); 3) по целям (мониторинг конкретных показателей федеральных программ; комплексная оценка развития цифровизации) [11].

Авторы настоящей статьи не ставят своей целью анализ статистических данных по цифровизации сектора публичного управления с помощью указанных методик. Важно в общем виде понимать, какую роль играет цифровизация в функционировании институтов публичной власти. Согласно данным Всемирного банка GovTech Maturity Index 2022, из 198 стран Россия в 2022 г. вошла в группу стран с самым высоким рейтингом индекса цифровизации госуправления и заняла 10-е место, набрав 0,897 баллов (рис. 2) [12]. Наибольшее значение у РФ по субиндексу предоставления государственных услуг, развития цифровых госплатформ (PSDI — Public Service Delivery Index) — 0,960, наименьшее — по вовлеченности граждан в цифровое участие (DCEI — Digital Citizen Engagement Index) — 0,828.

Рис. 2. Топ-10 стран по цифровизации госсектора в 2022 г.

Показательны результаты исследования, проведенного Л.А. Василенко и соавторами в 2023 г., в ходе которого выявлено экспертное мнение служащих органов публичной власти в отношении трансформации системы публичного управления [13]. Представители властных структур отмечают значимые эффекты от цифровизации: повышается результативность деятельности государственных органов посредством

стандартизации и регламентации административно-управленческих процессов с применением цифровых сервисов; увеличивается производительность работы служащих по оказанию услуг населению.

Иными словами, цифровая трансформация выступает инструментом улучшения взаимодействия всех акторов общества посредством снижения административных барьеров. Государственные структуры установили запрос на изменение вектора от исключительно технологического к проактивному оказанию услуг с соблюдением принципов клиентоориентированности и персонализированности.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЦИФРОВОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Процесс становления современного цифрового публичного управления прошел длинный исторический путь. В развитии цифровизации можно выделить несколько стадий.

1-й этап (1994–2004 гг.) можно обозначить как «институционализация цифровизации государства». В конце XX — начале XXI в. государства, применяющие ИКТ, использовали термин «электронное правительство» (e-government), что получило нормативное отражение в НПА Европейского Союза и ООН. Отправной точкой для данного события послужило создание в 1994 г. первого в мире официального сайта органов власти в интернете (сайт Президента США Б. Клинтона: http://clinton1.nara.gov/White_House/). В том же году был создан электронный межведомственный обмен информацией (Net Results), включенный в 2000 г. в официальный путеводитель по государственной информации и услугам USA.gov — www.usa.gov. США как основоположник концепции e-government способствовали переходу иных правительств к применению ИКТ в своей деятельности. Американский опыт был подхвачен прежде всего такими странами, как Германия, Япония, Республика Корея, Норвегия, Австралия.

Для анализа правительственных web-сайтов на предмет качества, актуальности функций и услуг в 2004 г. была разработана методика E-Participation Index. На основе расчета «индекса электронного участия» 20 лет назад эксперты заостряли внимание на цифровом разрыве (неравенстве) обществ. В противовес действующим механизмам «решения» данной проблемы выступило массовое производство мобильных телефонов с доступом к интернету.

В России цифровизация госсектора получила отражение в федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)», однако низкий

уровень доступности сети «Интернет» (19% органов публичной власти и 1% госслужащих) стал барьером для ее надлежащей реализации. В результате программа не достигла поставленных целей, но, по словам тогдашнего министра информационных технологий и связи РФ Л.Д. Реймана, она заложила основы для развития системы цифрового государства [14].

2-й этап (2005–2009 гг.) можно обозначить как «Сетевое правительство». Технологические инновации в сфере ИКТ и развитие преимуществ интернета от Web 1.0 к Web 2.0 позволили подключить к электронному правительству все объекты институциональной среды [15]. Целью создания своеобразной сети (Networked Government) выступало улучшение взаимодействия правительственных структур и населения, обозначенное в отчете США за 2008 г. [16]. В России действовала федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)», по результатам реализации которой большая часть мероприятий была охарактеризована как решение узкоспециализированных технологических задач. Создать единую информационную и телекоммуникационную инфраструктуру системы публичного управления к 2006 г. не удалось. Новый вектор по реализации элементов инфраструктуры цифрового государства заложила Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года, ориентировавшая мероприятия на системный подход.

3-й этап (2010–2022 гг.) можно обозначить как «Цифровое государство» (Digital government). «Цифра» как автономная управленческая единица, включающая в себя менеджеральное решение, цель, задачи и итоговый продукт, «запустила» тренд на правительство как платформу. Переход от децентрализованной модели к единой интегрированной форме управления с предоставлением государственных онлайн-услуг посредством платформ и технических решений был отмечен в 2012 г. в отчете ООН «Электронное правительство для людей» [17].

4-й этап (2023 г. — настоящее время) характеризуется противоречивыми заявлениями экспертов. Одни считают, что переход к цифровому государству не завершен и третий этап «Цифровое государство» является составной частью второго — «Сетевое правительство». Другие, напротив, заявляют о завершении трансформации Digital government. По нашему мнению, цифровизация — длительный процесс, охватывающий все сферы институциональной структуры общества. Цифровая трансформация системы публичного управления взаимосвязана с процессами социальной, экономической и политической среды и проявляется в переходе государств от децентрализованной одноцелевой модели управления к интегри-

рованной единой модели, повышающей эффективность и качество управления. Однозначного ответа на вопрос, в каком виде предстанет государство в ближайшие 7–12 лет, дать невозможно ввиду непредсказуемости путей развития ИКТ.

ИКТ, представленные в большом количестве, не имеют границ в связи с их виртуальной природой. Без надлежащего правового регулирования правительства по всему миру утратили бы контроль над искусственным интеллектом (далее — ИИ), последствия стали бы фатальными: подрыв национальной безопасности, систематическое нарушение прав и свобод человека и гражданина, количественный рост преступлений с использованием ИКТ и ИИ.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Исследуя правовые основы цифрового публичного управления в РФ, следует упомянуть два актуальных для развития ИКТ документа. Окинавская хартия глобального информационного общества от 22.07.2000,

принятая на саммите стран G8, и Декларация тысячелетия от 08.09.2000, утвержденная резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи ООН, не являются для РФ юридически значимыми международно-правовыми актами. «Это же не организация, это так, клуб по интересам», — охарактеризовал Президент России В.В. Путин «большую семерку» [18]. Тем не менее данные документы закладывают концептуальные положения развития ИКТ, перехода к цифровому государству и новому типу общественных отношений.

В Российской Федерации предпосылками к становлению цифровой системы публичного управления выступают национальные стратегические документы. При формировании НПА правительственные структуры в основном выделяют сильные стороны цифровизации публичного управления как для органов власти, так и для российского общества, при этом проблемы зачастую нивелируются. Данное положение особенно актуально для работы. Слабые стороны стратегических документов РФ как один из элементов SWOT-анализа представлены в таблице.

Стратегические и программные документы РФ в области информатизации

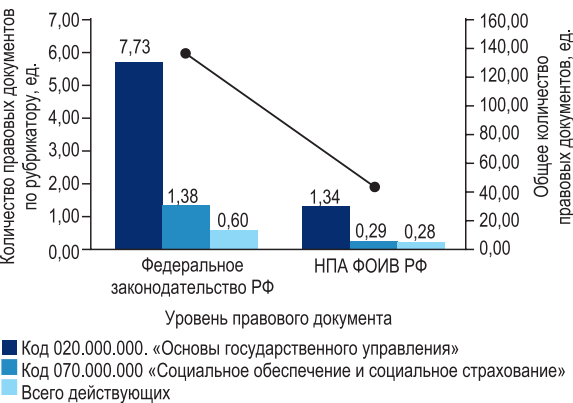
Наименование НПА	Характеристика
Концепция формирования информационного общества в России от 28.05.1999 № 32	Документ в общем виде обосновывает специфику перехода России к информационному обществу, определяет положения и устанавливает приоритеты государственной информационной политики
Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)» от 28.01.2002 № 65	Реализация программы не способствовала улучшению качества взаимодействия государства и населения. Информационные системы дублировали традиционный бумажный документооборот
Концепция использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 г. и план мероприятий по ее реализации от 27.09.2004 № 1244-р	Период исполнения концепции совпадал с мероприятиями в рамках ФЦП «Электронная Россия (2002–2010 годы)», задачи дублировались. Со стороны законодателя возникала необходимость неоднократного пересмотра положений НПА
Концепция региональной информатизации до 2010 г. от 17.07.2006 № 1024-р	Концепция абсолютно не учитывала особенности субъектов РФ. Территориальные различия и неравенство финансовых возможностей предопределили трудности, с которыми столкнулись регионы и их жители. Де-факто конституционные права граждан отдельных регионов на равный доступ к информации и получению услуг нарушались
Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 07.02.2008 № Пр-212	Реализация Стратегии потребовала издания дополнительных НПА (например, для предотвращения угроз безопасности РФ в условиях цифровизации принята Доктрина информационной безопасности от 05.12.2016 № 646)
Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года от 06.05.2008 № 623-р	В 2009 г. Правительство РФ указало на отсутствие нормативно правового обеспечения для оказания населению электронных услуг как основной проблемы, препятствующей реализации концепции
Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» от 20.10.2010 № 1815-р	Программа оказалась в недостаточной степени гибкой и адаптированной к мировым тенденциям развития ИКТ. Положения документа дублировали иные государственные программы по внедрению ИКТ в деятельность органов власти
Концепция развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде от 25.12.2013 № 2516-р	Медленное внедрение электронных государственных услуг, низкая доля публикаций информации о деятельности органов власти, отсутствие действенного механизма перевода документов в цифровой вид, путаница и несогласованность в НПА — препятствия в достижении показателей концепции

Наименование НПА	Характеристика
Концепция региональной информатизации на 2014–2018 годы от 29.12.2014 № 2769-р	Концепция позволила скоординировать процесс информатизации в субъектах РФ после четырехлетнего отсутствия НПА. Несмотря на решение проблем по переводу услуг в электронный вид, в регионах остаются финансовый и кадровый дефицит, несогласованность действий ветвей власти
Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы от 09.05.2017 № 203	Предусматривает совершенствование законодательства в части включения в предмет правового регулирования новых информационных отношений

В таблице приведен лишь небольшой перечень фундаментальных нормативных правовых документов, заложивших основу для перехода РФ к цифровому обществу. На основе проведенного анализа НПА следует отметить, что основным барьером с 1999 г. по настоящее время на пути к качественной реализации концепций, программ, стратегий и информационной политики РФ в целом является дефектность законодательства: правовые коллизии, дублирование норм, нерациональное размещение норм в системе законодательства, избыточное правовое регулирование.

На 2024 г. на федеральном уровне разработано бессчетное количество НПА (законы, постановления, распоряжения, указы), под область регулирования которых подпадают цифровизация и ее составляющие. Основой для анализа российского законодательства выступил официальный сайт правовой информации России pravo.gov.ru. Критерием выборки послужил код классификатора правовых документов, подпадающий под область исследования, в соответствии с Указом Президента РФ от 15.03.2000 № 511 «О классификаторе правовых актов» (рис. 3).

Рис. 3. Результаты анализа правовой базы Российской Федерации

Низкий уровень нормативной проработанности приводил и приводит к дублированию отдельных правовых статей и законов. Только понятийный аппарат в области цифровых правоотношений на 2025 г. от-

ражается в десятке НПА, например в федеральных законах от 27.06.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Ежегодно в них вносятся изменения и дополнения, что обостряет путаницу и противоречивость законодательных норм, а широкая правоприменительная практика приводит к произвольному толкованию отдельных правовых положений.

В подкрепление данного положения сошлемся на Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», который был принят 22 года назад, когда ИКТ и интернетом пользовалось 9% населения РФ. Сегодня в закон внесено более 92 изменений и принято более 400 подзаконных актов, 50% которых были актуальными 10 лет назад.

Несмотря на обилие НПА в области информационной сферы, остаются неурегулированными важные аспекты. Отсутствуют критерии отнесения информационных систем к ГИС, общие юридические основы создания и развития цифровых платформ и экосистем, правовое сопровождение процессов эксплуатации ИИ, требования к инфраструктуре информационной безопасности, не закреплены гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина при использовании цифрового профиля.

Анализируя российскую правовую базу по вопросам цифровизации системы публичного управления и отдельных ее элементов, авторы предлагают следующую классификацию (в скобках указано приблизительное количество существующих НПА):

- стратегические НПА в области информатизации — концепции, стратегии, национальные и региональные программы) (20 правовых документов);
- НПА, регулирующие технико-технологические аспекты информатизации (цифровую инфраструктуру), все операции с данными в РФ: 1) НПА по управлению данными (26 правовых документов); 2) НПА, закрепляющие концептуальные принципы совершения операций с данными (10 документов); 3) НПА о техническом регулировании управления данными (семь

правовых документов); 4) стандарты (ГОСТы) РФ в сфере управления данными (81 документ);

- НПА, устанавливающие порядок функционирования ГИС в России, в том числе область идентификации и аутентификации (27 документов);

- НПА в области осуществления цифрового взаимодействия представителей власти и населения: 1) НПА, регламентирующие принципы онлайн-взаимодействия (восемь документов); 2) НПА, регулирующие формы, каналы и технологии взаимодействия (23 документа); 3) НПА, закрепляющие механизмы осуществления взаимодействия как в традиционном, так и в инновационном видах (17 документов).

Безусловно, классификация нуждается в дополнительной проработке и детализации, однако является основой для дальнейшего исследования. Она определяет сферы правового регулирования деятельности органов публичной власти в условиях цифровизации и количество НПА. Следует также добавить отдельную категорию НПА в области конституционных прав и свобод граждан. Таким образом, на 2025 г. существует острая необходимость в систематизирующем документе с единым понятийным аппаратом и принципами регулирования для унификации правовых институтов и устранения административных барьеров — в Цифровом кодексе.

ЦИФРОВОЙ КОДЕКС:

СПАСЕНИЕ ПРАВОВОЙ БАЗЫ ИЛИ ЕЕ КРАХ?

Цифровой кодекс — своеобразная «цифровая конституция», основанная на понимании киберпространства как трансграничной среды, где каждый гражданин участвует в определении правил функционирования и развития цифровой среды. Задача Кодекса состоит в упорядочивании в виртуальной реальности общественных отношений, которые можно подразделить на несколько уровней: 1) данные (цифровые данные и записи, цифровые ресурсы и реестры, сайты и приложения органов власти); 2) сервисы (цифровые и государственные сервисы, цифровые экосистемы); 3) системы (центры обработки данных, ГИС, системы ИИ). Многоуровневость регулирования обусловлена сложностью модели отношений в цифровой среде.

Цифровой кодекс будет способствовать укреплению и нормативному закреплению феномена «цифрового участия». Предполагается, что Кодекс будет не только наделять субъектов цифровых отношений соответствующими правами и обязанностями, но и формировать устойчивую нормативно-правовую связь между субъектами и цифровым гражданством или цифровой гражданской идентичностью.

Идея систематизации и кодификации законодательства в области цифровизации системы публично-

го управления (а вместе с ней ИКТ и информации) давно выдвигалась в российской юридической науке. Так, в 2014 г. И.Л. Бачило совместно с группой коллег из Института государства и права Российской академии наук подготовили концепцию Информационного кодекса РФ [19]. В 2022 г. А.В. Минбалеев подчеркнул важность не просто развития информационного законодательства, а осуществления процессов упорядочивания правовых норм в сфере цифровизации на основе системного подхода [20].

В главе IV «Нормативное регулирование» Проекта стратегии развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года, разработанного Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России (опубликован 15.08.2023), обозначены краткосрочные (до одного года) и долгосрочные (5–10 лет) перспективы решения проблемы бессистемности законодательства. Парадокс заключается в том, что в ближайшее время планируется вновь вносить изменения в правовую базу РФ, а через пять лет основательно подойти к внедрению Цифрового кодекса как «акта, позволяющего сформировать стройную взаимосвязанную систему отраслевых правовых норм, регулирующих развитие и использование ИТ и инфраструктуры связи» [21].

Возникает вопрос: будет ли Цифровой кодекс актуален через 5–10 лет или придется искать новые пути для преодоления нормативного хаоса при стремительном внедрении цифровых средств и технологий в систему публичного управления? По мнению авторов, необходимо либо немедленно внедрять Цифровой кодекс, либо отказаться от этой идеи и с опережением предлагать новые решения, которые будут способствовать упорядочиванию НПА и устранению правовых дефектов.

Изучив опыт других стран, мы отмечаем, что зарубежные государства также стремятся к консолидации законодательства в области цифровой информации. Здесь можно говорить об отдельных успехах: от точечного регулирования информационной сферы до принятия фундаментальных НПА:

- Италия — Цифровой административный кодекс 2005 г. (Codice dell'amministrazione digitale, 2005), регламентирующий вопросы цифрового взаимодействия органов публичной власти и населения, права населения на использование ИКТ, правовой режим работы с электронными данными [22];

- Канада — Закон об осуществлении Цифровой хартии 2022 г. (Digital Charter Implementation Act, 2022) [23];

- Республика Сингапур — Национальная программа создания цифрового государства 2020 г. (Digital Government Blueprint — DGB, 2020), закладывающая беспрепятственное внедрение электрон-

ных услуг населению, частному и правительственному секторам [24];

- Кыргызская Республика — Проект Цифрового кодекса Кыргызской Республики 2022 г., который регулирует систему отношений в виртуальном пространстве в определенных направлениях — от работы с цифровыми документами и сервисами до доступа пользователей цифровых систем к инфраструктуре [25];

- Федеративная Республика Германия — Закон о продвижении электронного Правительства 2015 г. (*Gesetz zur Forderung der elektronischen Verwaltung*, 2015), который призван упростить электронное взаимодействие и повысить качество предоставления государственных услуг [26].

Таким образом, различные страны находятся на разных этапах пути по консолидации и кодификации цифрового законодательства. Тем не менее мы наблюдаем действенные решения (зависящие от правовой системы и государственного строя), положения которых частично могут быть полезными для РФ после их необходимой модификации. При этом утверждение, что Россия отстает от других стран и находится на начальном этапе процесса систематизации НПА, — неуместно и необоснованно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование, посвященное правовому регулированию системы цифрового публичного управления, позволяет сделать следующие выводы.

Переход РФ от традиционного типа правительства к новому, информационному государству и функционирование органов власти в условиях цифровизации с внедрением в свой арсенал множества ИКТ осуществлялось на фоне крайне запутанной правовой базы. Россия достигла высот во многих направлениях: оцифровка государственных услуг, повышение качества работы служащих органов власти, развитие блокчейн-систем, ИИ и онлайн-платформ для взаимодействия власти и общества. Тем не менее систематизация и проработка законодательных норм о цифровых технологиях и связанных с ними отраслях становится крайне необходимой. В этом контексте можно утверждать, что энергичное развитие ИКТ-сферы без надлежащего правового регулирования не только не позволит России продолжить путь цифровой трансформации, но и повлечет внешние и внутренние угрозы. Более того, вовлечение населения в принятие решений в сфере публичной политики в онлайн-пространстве замедлится, уровень доверия общества к органам власти опустится до минимума и станет критическим для властных структур.

В заключение следует отметить, что исследование цифровой трансформации системы публичного управления, правовых положений, а также отдельных аспектов изучаемой темы еще не окончено и требует дальнейшей теоретико-нормативной и методологической проработки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Черничкина Г.Н. Цифровые права в гражданском законодательстве: реалии и перспективы развития цифровых технологий применительно к охране результатов интеллектуальной деятельности // *Право и цифровая экономика*. 2019. № 1. С. 39–43.
2. Полнотекстовая база данных ScienceDirect // Elsevier. USA, 1997 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sciencedirect.com/> (дата обращения: 07.12.24).
3. Vial G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda // *The Journal of Strategic Information Systems*. 2019. Vol. 28 No. 2. P. 118–144.
4. Vial G. Understanding digital transformation: a review and a research agenda. *Manag. Digit. Transform. Underst. Strateg. Process*. 2021. P. 13–66. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.003>
5. Omar A., Weerakkody V., Daowd A. Studying transformational government: review of the existing methodological approaches and future outlook // *Government Information Quarterly*. 2020. Vol. 37. No. 2. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101458>
6. Минцифры перевело 132 социально значимые услуги в цифровой формат // *Российская газета: интернет-портал*. 2022. 18 авг. [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2022/08/18/mincifry-perevelo-132-socialno-znachimye-uslugi-v-cifrovoj-format.html?ysclid=lpionm2nhs94411261> (дата обращения: 27.11.2024).
7. Минцифры перевело в электронный вид более 200 социально значимых услуг / Федеральное казенное учреждение «Государственные технологии» (ФКУ «ГосТех»). 2023. 15 февр. [Электронный ресурс]. — URL: <https://platform.gov.ru/news/minczifry-perevelo-v-elektronnyj-vid-bolee-200-soczialno-znachimyh-uslug/?ysclid=lrafirscb811540822> (дата обращения: 27.11.2024).
8. Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация / М. Петров, В. Буров, М. Шкляр, А. Шаров. М.: Центр стратегических разработок, 2018. 351 с.
9. Milbrath L.W. *Environmentalists, Vanguard for a New Society*. Albany. State University of New York Press, 1985.

10. Демидов А.Ю., Лукашов А.И. Отдельные подходы к цифровой трансформации государственного управления // Государственная служба. 2021. Т. 23. № 1 (129). С. 28-34. DOI: 10.22394/2070-8378-2021-23-1-28-34
11. Цифровизация публичного управления: учеб. пособие / С.Н. Костина, Д.Л. Сиволов, Г.А. Банных и др.; под общ. ред. С.Н. Костиной. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2022. 111 с. ISBN 978-5-7996-3570-1
12. WBG GovTech Maturity Index 2022 Update: Trends in Public Sector Digital Transformation // World Bank. Washington, DC, 2022.
13. Боев Е.И., Зотов В.В., Василенко Л.А. Цифровизация публичного управления: экспертная рефлексия проблем и вызовов // Цифровая социология. 2023. Т. 6. № 1. С. 4–12. DOI 10.26425/2658-347X-2023-6-1-4-12
14. Леонид Рейман: «Я помогал решать вопросы государству» // Группа компаний ComNews — лидер рынка информации о российском ИКТ-бизнесе. 2024. 12 янв. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.comnews.ru/content/50469> (дата обращения: 12.12.2024).
15. Итинсон К.С. WEB 1.0, WEB 2.0, WEB 3.0: этапы развития веб-технологий и их влияние на образование // Карельский научный журнал. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 19–21. DOI: 10.26140/knz4-2020-0901-0005
16. United Nations e-Government Survey 2008 From e-Government to Connected Governance. [Electronic resource]. — URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2013/04/UN_E-Government-Survey-2008.pdf?ysclid=lrasi1anuy796645606 (date of access 01/12/2024).
17. United Nations E-Government Survey 2012: E-Government for the People. [Electronic resource]. — URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2012Survey/Complete-Survey.pdf> (date of access 01/12/2024).
18. Владимир Путин назвал G7 клубом по интересам и пожелал ему успехов // ГоворитМосква.ру: сетевое издание, 2015. 10 июня [Электронный ресурс]. — URL: <https://govoritmoskva.ru/news/41989/?ysclid=lprjv6douh863013070> (дата обращения: 27.11.2024).
19. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И.Л. Бачило; Институт государства и права РАН. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2014. 192 с. ISBN 9 78-5-88373-409-9
20. Минбалеев А.В. Проблемы цифрового права: учеб. пособие. Саратов: Амирит, 2022. 233 с. ISBN: 978-5-00207-136-4
21. В России началось обсуждение «Цифрового кодекса», который приведет в порядок законодательство в ИТ и связи // CNews: сетевое издание. 2023. 8 нояб. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.cnews.ru/news/top/20231108_v_pravitelstve_nachalos?ysclid=lrasn81qn630671388 (дата обращения: 27.11.2024).
22. DECRETO LEGISLATIVO 7 marzo 2005, No. 82 — Codice dell'amministrazione digitale. (G.U.16 maggio 2005, N. 112 S. O. No. 93). [Electronic resource]. — URL: <https://www.studiocataldi.it/normativa/pdf/codiceamministrazionedigitale.pdf?ysclid=lravlvx5c8206192068> (date of access 01/12/2024).
23. Bill C-27 Digital Charter Implementation Act, 2022 [Electronic resource]. — URL: https://www.unicef.ca/sites/default/files/2023-02/2023_Feb_UNICEF_Canada_Bill_C27.pdf (date of access 01/12/2024).
24. Digital Government Blueprint — DGB, 2020. [Electronic resource]. — URL: https://www.smartnation.gov.sg/files/publications/dgb-public-document_30dec20.pdf (date of access: 01.12.2024).
25. Проект Цифрового кодекса Кыргызской Республики // Министерство цифрового развития Кыргызской Республики Digital. gov. kg. 2023. 1 авг. [Электронный ресурс]. — URL: <https://code.digital.gov.kg/ru/bills/6/> (дата обращения: 27.11.2023).
26. Gesetz zur Förderung der elektronischen Verwaltung in Nordrhein-Westfalen (E-Government-Gesetz Nordrhein-Westfalen — EGovG NRW), 2015. [Electronic resource]. — URL: https://recht.nrw.de/lmi/owa/br_text_anzeigen?v_id=73520171220150354215 (date of access 01/12/2024).

REFERENCES

1. Chernichkina G.N. Cifrovye prava v grazhdanskom zakonodatel'stve: realii i perspektivy razvitiya cifrovyyh tehnologiy primenitel'no k ohrane rezul'tatov intellektual'noj dejatel'nosti // Pravo i cifrovaja jekonomika. 2019. No. 1. S. 39–43 (in Russian).
2. Polnotekstovaya baza danih ScienceDirect // Elsevier. USA, 1997 [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.sciencedirect.com/> (data obrashheniya: 07.12.24).
3. Vial G. Understanding digital transformation: a review and a research agenda // The Journal of Strategic Information Systems. 2019. Vol. 28. No. 2. P. 118–144.
4. Vial G. Understanding digital transformation: a review and a research agenda. Manag. Digit. Transform. Underst. Strateg. Process. 2021. P. 13–66. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.003>
5. Omar A., Weerakkody V., Daowd A. Studying transformational government: a review of the existing methodological approaches and future outlook // Government Information Quarterly. 2020. Vol. 37.

- No. 2. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101458>
6. Mincifry perevelo 132 social'no znachimye uslugi v cifrovoj format // Rossijskaja gazeta: internet-portal. 2022. 18 avg. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://rg.ru/2022/08/18/mincifry-perevelo-132-socialno-znachimye-uslugi-v-cifrovoj-format.html?ysclid=lpionm2nhs94411261> (data obrashhenija: 27.11.2024).
7. Mincifry perevelo v jelektronnyj vid bolee 200 social'no znachimyh uslug // Federal'noe kazennoe uchrezhdenie "Gosudarstvennye tehnologii" (FKU "GosTeh"). 2023. 15 fevr. [jelektronnyj resurs]. — URL: <https://platform.gov.ru/news/mincifry-perevelo-v-elektronnyj-vid-bolee-200-soczialno-znachimyh-uslug/?ysclid=lralfirs cb811540822> (data obrashhenija: 27.11.2024).
8. Gosudarstvo kak platforma. (Kiber) gosudarstvo dlja cifrovoj jekonomiki. Cifrovaja transformacija / M. Petrov, V. Burov, M. Shklyaruk, A. Sharov; Centr strategicheskikh razrabotok. M., 2018. 351 s. (in Russian).
9. Milbrath L.W. Environmentalists, Vanguard for a New Society. Albany // State University of New York Press, 1985.
10. Demidov A.Ju., Lukashov A.I. Otdel'nye podhody k cifrovoj transformacii gosudarstvennogo upravlenija // Gosudarstvennaja sluzhba. 2021. T. 23. No. 1 (129). S. 28–34. DOI: 10.22394/2070-8378-2021-23-1-28-34 (in Russian).
11. Cifrovizacija publicnogo upravlenija: ucheb. Posobie / S.N. Kostina, D.L. Sivovolov, G.A. Bannyh I dr.; pod obsh. red. S.N. Kostinoj. Ekaterinburg: Ural'skij federal'nyj universitet, 2022. 111 s. ISBN 978-5-7996-3570-1 (in Russian).
12. WBG GovTech Maturity Index 2022 Update: Trends in Public Sector Digital Transformation // World Bank. Washington, DC, 2022.
13. Boev E.I., Zotov V.V., Vasilenko L.A. Cifrovizacija publicnogo upravlenija: jekspertnaja refleksija problem i vyzovov // Cifrovaja sociologija. 2023. T. 6. No. 1. S. 4–12. DOI 10.26425/2658-347X-2023-6-1-4-12 (in Russian).
14. Leonid Rejman: "Ja pomogal reshat' voprosy gosudarstvu" // Gruppa kompanij ComNews — lider rynka informacii o rossijskom IKT-biznese. 2024. 12 janv. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.comnews.ru/content/50469> (data obrashhenija: 12.12.2024).
15. Itinson K.S. WEB 1.0, WEB 2.0, WEB 3.0: jetapy razvitija veb-tehnologii i ih vlianie na obrazovanie // Karel'skij nauchnyj zhurnal. 2020. T. 9. No. 1 (30). S. 19–21. DOI: 10.26140/knz4-2020-0901-0005
16. United Nations e-Government Survey 2008 From e-Government to Connected Governance [Elektronnyj resource]. — URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2013/04/UN_E-Government-Survey-2008.pdf?ysclid=lrasi1anuy796645606 (date of access 01/12/2024).
17. United Nations E-Government Survey 2012: E-Government for the People [Elektronnyj resource]. — URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2012-Survey/Complete-Survey.pdf> (date of access 01/12/2024).
18. Vladimir Putin nazval G7 klubom po interesam i pozhelal emu uspehov // GovoritMoskva.ru: setevoe izdanie. 2015. 10 ijunya [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://govoritmoskva.ru/news/41989/?ysclid=lpjpv6doux863013070> (data obrashhenija: 27.11.2024).
19. Koncepcija Informacionnogo kodeksa Rossijskoj Federacii / pod red. I.L. Bachilo; Institut gosudarstva i prava RAN. M.: Kanon+, ROOI "Reabilitacija", 2014. 192 s. ISBN 9 78-5-88373-409-9 (in Russian).
20. Minbaleev A.V. Problemy cifrovogo prava: ucheb. posobie. Saratov: Amirit, 2022. 233 s. ISBN: 978-5-00207-136-4 (in Russian).
21. V Rossii nachalos' obsuzhdenie "Cifrovogo kodeksa", kotoryj privedet v porjadok zakonodatel'stvo v IT i svjazi // CNews: setevoe izdanie. 2023. 8 nojab. [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.cnews.ru/news/top/20231108_v_pravitelstve_nachalos?ysclid=lrasn81qn630671388 (data obrashhenija: 27.11.2024).
22. DECRETO LEGISLATIVO 7 marzo 2005, No. 82 — Codice dell'amministrazione digitale. (G.U. 16 maggio 2005, No. 112 — S. O. No. 93) [Elektronnyj resource]. — URL: <https://www.studiocataldi.it/normativa/pdf/codiceamministrazionedigitale.pdf?ysclid=lravlvx5c8206192068> (date of access 01/12/2024).
23. Bill C-27 Digital Charter Implementation Act, 2022 [Electronic resource]. — URL: https://www.unicef.ca/sites/default/files/2023-02/2023_Feb_UNICEF_Canada_Bill_C27.pdf (date of access 01/12/2024).
24. Digital Government Blueprint — DGB, 2020 [Elektronnyj resource]. — URL: https://www.smartnation.gov.sg/files/publications/dgb-public-document_30dec20.pdf (date of access 01/12/2024).
25. Proekt Cifrovogo kodeksa Kyrgyzskoj Respubliki // Ministerstvo cifrovogo razvitija Kyrgyzskoj Respubliki Digital.gov.kg. 2023. 1 avg. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://code.digital.gov.kg/ru/bills/6/> (data obrashhenija: 27.11.2024).
26. Gesetz zur Förderung der elektronischen Verwaltung in Nordrhein-Westfalen (E-Government-Gesetz Nordrhein-Westfalen — EGovG NRW), 2015. [Elektronnyj resource]. — URL: https://recht.nrw.de/lmi/owa/br_text_anzeigen?v_id=73520171220150354215 (date of access 01/12/2024).